Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

№ 24. ИЗДАНІЯ ГОДЪ XVIII.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ШУТЪ

15 Іюня 1896 г. № 24

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

ВЪ ЖАРУ.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше иди гулять со своимъ кузеномъ... Я не могу! Я совсѣмъ *растаю!*
— А ты думаешь, онъ *не растаетъ?*

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА“.

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.

Шекспиръ.

Фотографія намъ не даетъ покоя.

То насъ осаждали фотографы-любители, заносившіе на свои негативы всевозможные моменты нашей жизни.

То явился Рентгенъ, снимающій человѣческія внутренности и подарившій наукѣ иксъ-лучи, при помощи которыхъ въ головѣ у многихъ открыта торричеліева пустота.

То теперь намъ говорятъ о какомъ-то Іодко, который мечтаетъ сфотографировать даже силу любви.

Изобрѣтеніе Іодко поразительно.

Если женихъ на колѣняхъ клянется въ вѣрности своей невѣстѣ, то долгъ будущей тещи стоять наготовѣ съ фотографическимъ аппаратомъ Іодко.

Разъ, два, три—и на пластинкѣ ясно обозначится кто кого и какъ сильно любитъ.

Это ли не изобрѣтеніе „конца вѣка“?

* *
*

За неимѣніемъ вопросовъ болѣе серьезныхъ займемся хоть велосипеднымъ вопросомъ.

Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ гг. велосипедисты.

Отъ нечего дѣлать они побиваютъ другъ у друга рекорды, объѣзжаютъ одинъ другого и т. д.

Прекрасный спортъ!

И трудно разрѣшимый вопросъ:

— Кто скорѣе, на стоверстной гонкѣ, языкъ высунетъ?

Или:

— Кто скорѣе упадетъ въ обморокъ на четырехъ-часовой гонкѣ?

И надо отдать справедливость этимъ спортсменамъ: они отлично высовываютъ языки и падаютъ въ обморокъ.

Мало того, что мы сами катаемся.

Пріѣхали даже наши друзья французы съ цѣлью побить рекорды.

Мы въ восторгѣ...

И въ этомъ восторгѣ мы чествуемъ француза г. Милльо, за то что г. Дюкомъ объѣхалъ всѣхъ.

Или „въ чужомъ пиру похмелье“...

* *
*

Мы падки на всякую даровщину.

Какъ же, поэтому, намъ не поѣхать въ Буда-Пештъ?

Мы говоримъ, конечно, только о пишущей братіи...

Представьте себѣ: если только вы причастны къ журналистикѣ, даже если вы сотрудничаете въ необыкновенномъ „Гражданинѣ“, вамъ предлагаютъ даромъ съѣздить на будапештскую выставку.

И даже обѣщаются даромъ тамъ содержать, поить и кормить.

Однимъ словомъ, журналистамъ обѣщается великолѣпный рай Магомета.

Только поѣзжайте въ Буда-Пештъ и только замолвите доброе словечко о выставкѣ.

Поѣздка эта состоялась изъ Москвы и нѣкоторыя изъ газетъ уже вступили въ споръ по поводу любви гг. журналистовъ все дѣлать „на даровщину“.

Кто правъ,—судить не намъ.

Но фактъ остается фактомъ: журналисты на даровомъ поѣздѣ понеслись въ Буда-Пештъ...

Скатертью дорога!

* *
*

Буда-Пештъ очевидно хочетъ забить Нижній-Новгородъ.

Съ нижегородской выставки, по крайней мѣрѣ, идутъ вѣсти объ отсутствіи публики.

Пустота во всѣхъ зданіяхъ напоминаетъ вечеръ въ „Фоли-Бержерѣ“.

Экспоненты сами любуются своими произведеніями; а несчастные ресторатора принуждены сами истреблять запасы яствъ и питій.

Театральные предприниматели чувствуютъ себя хуже, чѣмъ въ Панаевскомъ театрѣ.

Дѣлами никто похвастаться не можетъ, и остается только воскликнуть имъ:

Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!

Это будетъ чисто выставочный возгласъ.

* *
*

За то петербургскіе антрепренеры орудуютъ во всю.

У этихъ господъ возгорѣлась даже въ нѣкоторомъ родѣ японско-китайская война.

Въ то время какъ г. Блюменталь-Тамаринъ пошелъ походомъ на публику со своей *японской* опереткой „Микадо“, г-жа Линская-Неметти двинула въ атаку *китайскую* оперетту „Чайный цвѣтокъ“.

Кто побѣдитъ: „японка“ г. Никитина, или „китаянка“ г. Смолина?

Результаты узнаемъ по осени.

Но теперь приходится констатировать только ожесточенную битву петербургскихъ антрепренеровъ между собою.

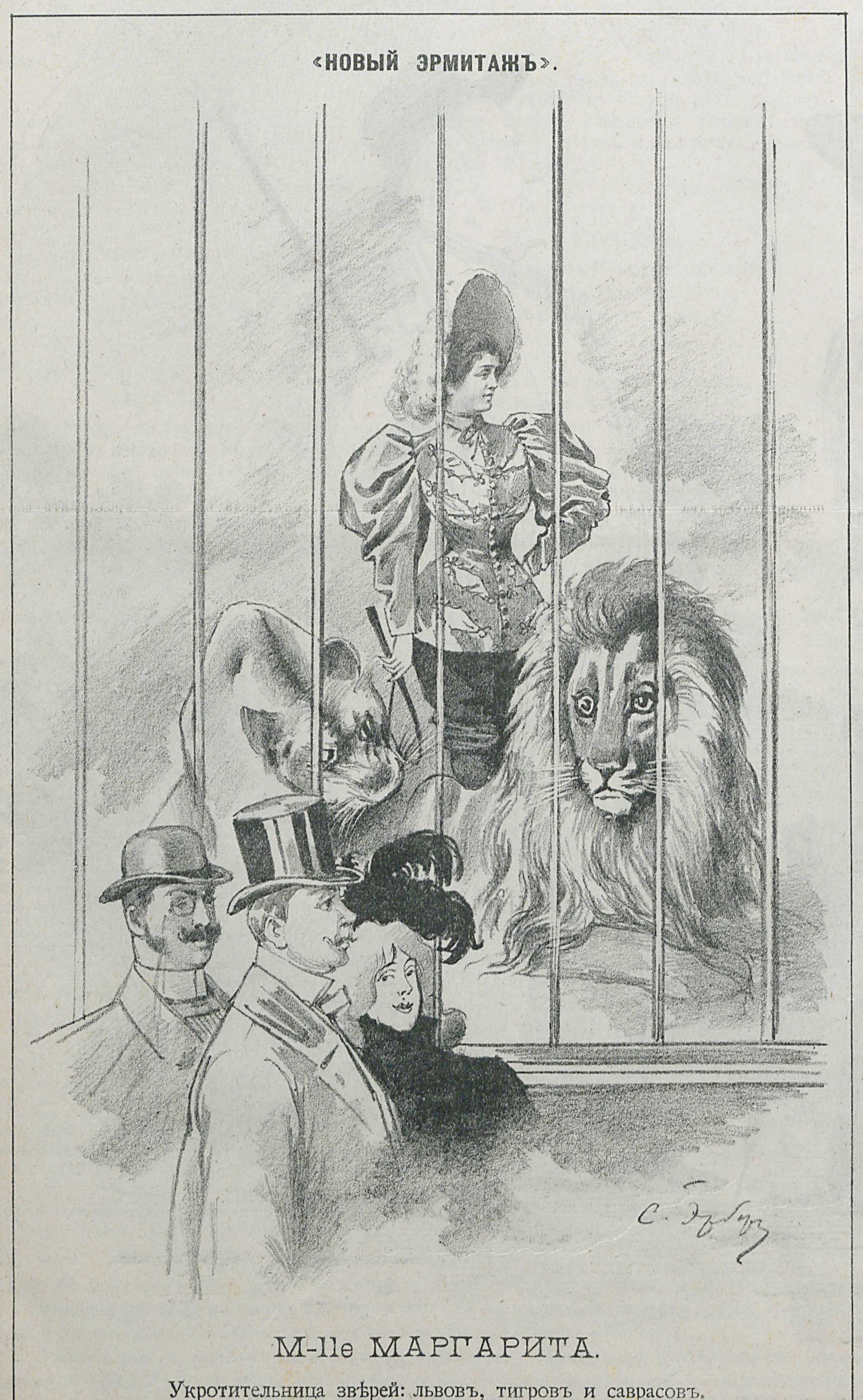
Никакой Мооръ не боролся такъ съ Пытлязинскимъ, какъ борется теперь г-жа Линская-Неметти съ г. Блюменталь-Тамаринымъ или г. Зейфертъ съ г. Ялышевымъ.

Борьба самая модная и самая своевременная.

Шутъ 2-ой.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

«НОВЫЙ ЭРМИТАЖЪ».

М-lle МАРГАРИТА.

Укротительница звѣрей: львовъ, тигровъ и саврасовъ.

ДАЧНЫЕ МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ.

Снимокъ № 1.

Купальщица. Купается не для своего удовольствія, а для удовольствія тѣхъ, кто подсматриваетъ въ щели купальни.

Снимокъ № 2.

Дачевладѣлецъ. Знатокъ *политической экономіи* своего рода. Готовъ вырубить деревья въ садахъ дачниковъ, чтобы имъ же продавать ихъ вмѣсто дровъ.

Снимокъ № 3.

Фотографъ-любитель. Часто почуетъ въ кустахъ около тѣхъ мѣстностей, гдѣ купаются дачницы.

Снимокъ № 4.

Мороженщикъ. Конкуррентъ дачныхъ донъ-жуановъ: они услаждаютъ дачницъ сладкими поцѣлуями, а онъ—мороженымъ.

Альцестъ.

ПОЧТИ...

— Ну, что, Марья Викторовна, ваша дочь вышла уже замужъ?

— Почти: она уже съ актеромъ однимъ изъ „Аркадіи" сбѣжала...

—

Провинціалъ.—Я слышалъ года три тому назадъ, что у васъ въ Петербургѣ собирались строить новый, каменный мостъ черезъ Неву... Что, онъ готовъ уже?

Петербуржецъ.—Почти: осталось только проектъ моста утвердить...

—

— Ты изъ Зоологическаго вчера домой пѣшкомъ дошелъ?

— Почти: на четверенькахъ.

—

— Вы поспѣли вчера на поѣздъ?

— Почти: всего только на одну минуту опоздалъ!..

Microbus.

РЕПУТАЦІЯ.

— Какая вы, чортъ васъ возьми, шансонетная пѣвица, когда вы даже платья на надлежащую высоту поднять не умѣете!.. Если такъ будетъ продолжаться, то я нарушу съ вами контрактъ, иначе вы погубите репутацію моего заведенія!..

Базиль.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Лондонъ.—Британскій министръ Салисбюри, принимая депутацію общества международнаго третейскаго суда, заявилъ, что англійское правительство считаетъ необходимымъ прибѣгать къ третейскому суду гдѣ только возможно.

Маркизомъ Салисбюри, по этому поводу, представленъ въ палату новый проектъ налоговъ на военныя издержки.

Одельстингъ (Норвегія).—Преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ рѣшено упразднить; вмѣсто него будетъ преподаваться шитье сапоговъ на философской подметкѣ, по системѣ графа Толстого.

Софія.—Болгарамъ, проживающимъ въ Софіи, запрещено свистать, чтобы не походить на свободныхъ птицъ, такъ какъ птица—эмблема вольности.

ЖЕЛАННЫЙ РЕКОРДЪ.

Дачъ держась сосѣднихъ близко
И скользя легко, какъ тѣнь,
Молодая бициклистка
Разъѣзжаетъ каждый день,—

Симпатичная улыбка
На кораллѣ юныхъ устъ,
А надъ таліею гибкой
Привлекательнѣйшій бюстъ.

И встрѣчаясь съ ней, не рѣдко,
Говоритъ блондинъ-сосѣдъ:
„Неужели же, сосѣдка,
Такъ вамъ милъ велосипедъ?"

— Нахожу его прелестнымъ
И готова вѣкъ любить
(Лишь бы тандемомъ двумѣстнымъ
Поскорѣй его смѣнить).

Юн. Ювен.

ВЪ НИЖНЕМЪ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Свѣча 75 коп., порція чаю—два рубля!.. Хлѣбъ—40 коп... Хм... бумага—50... Какая бумага? Я не требовалъ никакой бумаги...

— А это, извольте видѣть, сосчитана бумага, на которой написанъ этотъ счетъ-съ.

Ку-ку.

СКОНФУЗИЛЪ.

Въ конкѣ ѣдетъ старичекъ въ армякѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ палочкой. Должно быть, помянулъ хорошо на кладбищѣ, а какъ сѣлъ въ вагонъ—сейчасъ и задремалъ. Дремлетъ и сквозь сонъ „икъ!" да „икъ"!...

Молодой человѣкъ, въ сапогахъ лыжами, въ пальтецѣ на воздушной подкладкѣ, съ тросточкой поддѣльнаго бамбука, наклоняется къ своей сосѣдкѣ и, кивнувъ на старичка, предлагаетъ ей:

— Хотите, я его сейчасъ сконфужу?

— Въ самомъ дѣлѣ? Чѣмъ же вы его сконфузите?

— А вотъ послушайте. Голубчикъ! — обращается онъ громко къ старику.

— Икъ!.. чево?

— Что это у тебя душа съ Богомъ бесѣдуетъ?

— Икъ!.. конечно, икъ!.. не съ тобой... икъ! со свиньей.

Чудило-мученикъ.

СЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ВЫСТАВКИ.

I.

Много разныхъ экспонатовъ
Привлечетъ нашъ взоръ съ утра,
И, восторгъ свой не припрятавъ,
Восклицаемъ мы: ура!

Здѣсь—„прекрасная Елена",
Тамъ—прекрасный ресторанъ...
Только цѣны, цѣны, цѣны
Могутъ „выставить" карманъ.

II.

Намъ интересы Франціи близки,
Но для чего жъ сюда стеклися, для чего же
Потрепанныхъ француженокъ полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подороже?!.

Кудрявый сатирикъ.

НЕДОГАДЛИВЫЙ.

— Ахъ, Надежда Михайловна, какъ бы я былъ счастливъ, если бы могъ предложить вамъ свою руку и состояніе!.. Но, увы, рука моя не свободна: я уже женатъ!..

— Но, въ такомъ случаѣ, отчего бы вамъ не предложить мнѣ одно состояніе, безъ руки?..

Ап. Бельведерскій.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Еще немного усилій—и человѣчество, съ помощью какихъ-нибудь особенныхъ лорнетовъ, будетъ читать въ сердцахъ и въ мозгу своихъ ближнихъ.

Въ самомъ дѣлѣ: разстоянія, при помощи телефоновъ, телеграфовъ, потеряли свое значеніе... Время, благодаря аниматографіи Эдисона или синематографіи Люмьера, воспроизводящей передъ вами прошедшія событія живьемъ, лишилось своего прошлаго, осталось у него теперь только настоящее да будущее...

Но и „настоящее" становится таковымъ, что начинаешь за него побаиваться!..

Вы слышали, что мы дожили до того, что любовь уже можетъ быть сфотографирована?..

Да, это совершившійся фактъ... Но на фотографіи выходитъ только любовь—„настоящая"!

Нѣмецкіе ученые необычайно глубокомысленны, они могутъ выдумать что угодно... вѣдь выдумали же они обезьяну, а затѣмъ и человѣка произвели отъ этой же обезьяны?!. (Не потому ли и нѣмецкіе ученые такъ похожи на обезьянъ?).

Конечно, и ученый, открывшій фотографированіе любви—тоже оказался нѣмецъ!

Сущность новаго открытія заключается въ томъ, что, по увѣренію изобрѣтателя „амурографіи", у влюбленныхъ отдѣляются свѣтлые электрическіе лучи, по направленію къ своему „предмету", и количество лучей наглядно показываетъ качество любви.

Благодаря этому новому открытію мы теперь документально можемъ доказать весь пылъ страсти:

— Сударыня, я горю!...

Если „сударыня" выражаетъ сомнѣніе, вы можете сняться въ огненномъ сіяніи и это будетъ вашъ пылъ страсти.

Можно себѣ представить, какой ореолъ, какое сіяніе издаетъ купеческая вдова, на каменномъ фундаментѣ, этакъ тысячъ въ четыреста?!.

Вѣроятно, что-нибудь въ родѣ доменной печки.

* * *

Мода существуетъ на все: на ажурные чулки, со стрѣлками амура, на купальные панталоны съ вышитымъ горшкомъ цвѣтовъ или смертоубійственной митральезой, на дамскія длинныя перчатки, украшенныя расшитымъ рюшемъ, и такъ далѣе.

Мода существуетъ также и на волосы: мужчины стригутъ бороды лопатой и веретеномъ и носятъ ихъ въ видъ шабры и, наконецъ, бреютъ.

Женщины красятъ волосы въ тысячу оттѣнковъ, но любимый, самый модный, въ настоящее время считается цвѣтъ золотой блондинки.

Одна изъ хорошенькихъ представительницъ полусвѣта, густая шатенка, или „темно-бурая лисичка", прельстившись золотымъ руномъ своихъ подругъ, купила какую-то заграничную краску и принялась перекрашиваться заново.

Заграничная краска стоила около ста рублей. Нѣсколько флаконовъ, какія-то щеточки, и наставленіе, оказавшіеся въ ящичкѣ, пришли въ дѣйствіе.

Первый день надо было выкраситься изъ перваго флакона. M-lle N выкрасилась и стала—зеленой!.. Отчаяніе ея трудно было передать. На другой день она выкрасилась изъ другого флакона, и стала—фіолетовой!.. Еще черезъ день она покрасилась изъ третьяго флакона и стала канарейкой.

— Немножко... много!.. проговорила она мило шепелявя, разглядывая свою канареечную головку въ зеркало.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ одинъ прекрасный день она исчезла изъ квартиры на цѣлую недѣлю, и нынче ее можно

МИЛЫЙ ПЛЕМЯННИЧЕКЪ.

— Сержъ... опомнись!.. Ты выдаешь безумно векселя... Подводишь ли ты, наконецъ, итогъ долга?

— Нѣтъ, милый дядя, этимъ дѣломъ теперь занимается судебный приставъ.

ВЪ ПЕРИННОЙ ЛИНІИ.

— Кружева, дѣйствительно, прекрасны, но, увы!.. не по карману!..

— Сударыня, съ такой красотой какъ ваша вамъ всѣ карманы по карману.

— Не могу ли я нанять уголокъ въ твоемъ сердцѣ?

— Фи... уголокъ!.. Ты сними бель-этажъ!

— А какъ квартира, по контракту, на годъ?

— Можно и по-мѣсячно!..

— Это безобразіе!.. Милостивый государь... вы попали мнѣ вашей сигарой въ глазъ!

— Икъ... икъ... Извините!.. Икъ... икъ!.. Я ошибся... У васъ глаза горятъ какъ хорошая сигара.

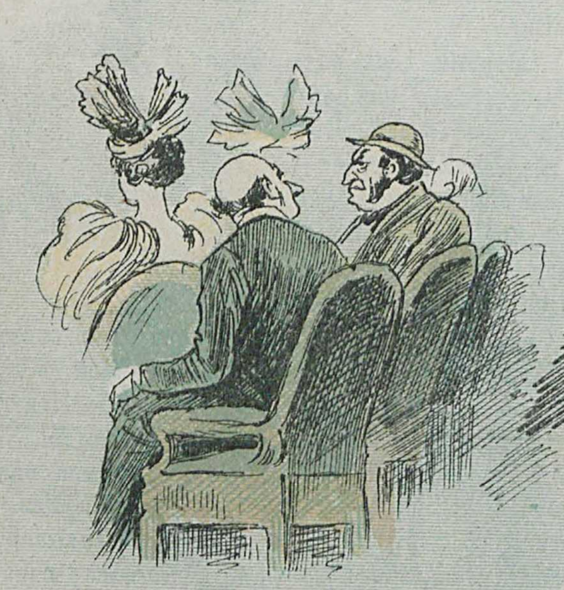
ЗА КУЛИССАМИ НА ЮБИЛЕѢ ЛЮБИМИЦЫ ПУБЛИКИ.

Толпа поклонниковъ.—Уррра!!.. Урра... наша незабвенная!.. Ура!.. Вы такъ высоко держали знамя искусства.. Подбрасывай выше!.. Урра!..

ОБЪЯСНЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ ВЕЛОСИПЕДИСТА.

Сударыня, честь имѣю!..

ВЪ ТЕАТРѢ.

— Что за экзекуція... Восхищеніе... Мнѣ эту экзекуцію часто жена дома разыгрываетъ!

— Вы хотите сказать, экзерсисъ?

— Не придирайтесь къ словамъ. Экзерсисъ или экзекуція—это вѣдь все равно... Я знаю!..

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Представьте, доктора до сихъ поръ не могутъ опредѣлить причину его смерти.

— Да, онъ вообще очень загадочный человѣкъ былъ: при жизни никто не зналъ чѣмъ онъ жилъ, а послѣ смерти не могутъ опредѣлить отъ чего онъ померъ.

ТОРЖЕСТВО ДРАМАТУРГІИ.

— Марія!.. Радуйся... Я только что продалъ всѣ мои сочиненія гуртомъ: сорокъ восемь драмъ, сто двадцать комедій, около трехсотъ водевилей, множество статей, памфлетовъ ... словомъ, все... все... все...

— Неужели?.. Сколько же ты получилъ? Вѣдь это, должно быть, большая сумма образовалась?

— Порядочная таки!.. Вышло что-то около восемнадцати пудовъ, по рублю шестидесяти за пудъ... Считай сама!..

ЕЩЕ БЫ.

— И пріятно ты проводишь съ нимъ время?
— Еще бы! Вѣдь ему всего только двадцать пять лѣтъ!

НА ПЕРВОМЪ ДЕБЮТѢ.

— Успѣхъ, колоссальный успѣхъ!.. О, это замѣчательная артистка!.. Это звѣзда, звѣзда первой величины!..

— Позвольте, милѣйшій импрессаріо, про какой успѣхъ вы толкуете?.. По-моему, ваша звѣзда потерпѣла полнѣйшее фіаско: публика почти-что не аплодировала, ни одинъ номеръ не былъ бисированъ!..

— Эге!.. Такъ вы, стало быть, ничего еще не знаете?.. Скажу вамъ по секрету: дебютантка уже имѣетъ, на сегодняшній вечеръ, одинадцать приглашеній на ужинъ!..

Ап. Бельведерскій.

РАЗСУДИЛЪ.

(съ китайскаго).

Разъ, вечернею порою, мандарины полемъ шли и такой между собою разговоръ они вели.

— Ты ужъ очень прижимаешь, — молвилъ другу Фунь-Дзе-Уръ: не дерутъ вѣдь, братецъ, знаешь, съ одного вола двухъ шкуръ...

— Не играй, дружокъ, словами,—отвѣчалъ ему Пань-Хой: я людьми, а не волами управляю, милый мой...Съ человѣка изъ народа я не мало шкуръ сниму, вмѣстѣ съ тою, что природа отъ себя дала ему...

П—къ.

МАЛЯРЪ ПО НЕВОЛѢ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь? Скамейки у воротъ красите? Именины у васъ скоро, что ли?

— Какое именины!.. Какіе-то саврасы обѣ скамейки литературой и художествомъ замарали, а у меня дочери... Вотъ и пришлось выкрасить!..

Аб.

НЕУДОБСТВО БѢЛЫХЪ НОЧЕЙ.

— Я не люблю бѣлыхъ ночей! По-моему, темныя гораздо лучше!

— Почему?

— Въ темную ночь если ты и не съумѣешь покраснѣть во время любовнаго объясненія, то это будетъ не замѣтно, а въ свѣтлую — все видно!..

Абеляръ.

НА СКАЧКАХЪ.

— Бѣдные жокеи, какъ они, я думаю, устанутъ хлестать хлыстомъ лошадей, особенно на финишѣ!

— Да, да! Вотъ вамъ нашъ гуманный вѣкъ! До сихъ поръ не могутъ изобрѣсти *механическаго хлыста*...

* *
*

— Говорятъ, что предполагается устроить скаковые ипподромы по Николаевской желѣзной дорогѣ, по Ириновской и по другимъ...

— Зачѣмъ же?

— А чтобы не лишать удовольствія игры на тотализаторѣ и дачниковъ другихъ мѣстностей!

* *
*

— Жизнь — это та-же скачка съ препятствіями!..

— Въ которой саврасы часто закусываютъ удила!..

Гулливеръ.

СОБЛАЗНЫ.

Ахъ, куда ни заверни—
Всюду встрѣтишься съ соблазномъ:
Тамъ—Полеръ, а тутъ—Пьерни,
Въ декольтэ разнообразномъ.

—

Граціозная Ларивъ,
Въ львиной клѣткѣ Маргарита...
„Тьфу!"... бумажникъ свой открывъ,
Утромъ вымолвишь сердито...

Эль.

ОТКРОВЕННО.

— Милая моя, Агнія Евгеньевна! По возрасту я, конечно, довольно старъ, но увѣряю васъ, что сердце у меня молодое!

— Да что же толку мнѣ въ вашемъ сердцѣ?

Альц.

УДОБНАЯ ГОРНИЧНАЯ.

— Глаша, поди сюда!
— Что прикажете, баринъ?
— Я хочу поцѣловать тебя...
— Слушаю-съ...

Аб.

ИДИЛЛІЯ И ПРОЗА.

прологъ.

— Многоуважаемый Илья Петровичъ, ваша дочь Вѣра Ильинишна—это ангелъ, я влюбленъ и очарованъ, прошу у васъ руки ея...

— Мое правило — не стѣснять моихъ дочерей, и если она не прочь, я очень радъ. (Въ сторону: «ухъ, слава Создателю,—одну, кажется, сбылъ!»).

Обручились.

— Илья Петровичъ, извините... но, знаете... не мѣшало бы... Вы, надѣюсь, понимаете меня...

— А... а... приданое... О, милѣйшій, будьте покойны, — спросите въ департаментѣ... — „слово Ильи Петровича,—законъ"...

— Да, конечно... но...

— Дача въ Озеркахъ и серебро... (Въ сторону) Хмъ—серебро заложено, дача тоже, и вдобавокъ у нея провалился потолокъ.

— Да, но...

На глазахъ у невѣсты слезы...

— Неужели ты берешь меня только ради денегъ... Ха-ха-ха...

Истерическій хохотъ, но, увы!—слезъ нѣтъ, ибо глазки сильно подведены и потокъ слезъ можетъ сильно попортить чудныя рѣсницы и алыя щечки... но тѣмъ не менѣе женихъ уже около нея...

— Какъ не стыдно, дорогая моя! Ради тебя же хлопочу, моя птичка, чтобы имѣть возможность уютнѣе устроить твое гнѣздышко...

Повѣнчались.

— Хмъ, чортъ побери, обошли!.. Дача—о, чтобъ провалилась она въ тартарары... Жена!.. этотъ ангелъ,—это сущій чортъ, а красота... куда дѣвалась красота?.. Гдѣ длинные чудесные волосы—вмѣсто нихъ какой-то крысій хвостъ... А бюстъ?.. И вдобавокъ два вставные зуба... А голосъ—словно рѣжутъ поросенка. Ого!.. опять сцѣпилась съ кухаркой!

Слышится звонъ разбитой посуды и вопль кухарки.

— Влопался!!! У-у-у—завью-ка я горе веревочкой!!!

Супругъ схватываетъ шапку и стремительно бѣжитъ изъ дому.

Ку-ку.

видѣть на Стрѣлкѣ, или въ какомъ-нибудь модномъ ресторанѣ, въ кокетливомъ чепчикѣ „Анго".

Чепчикъ объясняется просто: фирма, выдѣлывавшая въ Парижѣ эту краску, обанкрутилась, а новыя краски другихъ фабрикъ ложатся разноцвѣтными полосами.

M-lle N вмѣсто "черно-бурой лисички" нынче зовутъ „гіеной полосатой".

* *
*

Говорятъ, что въ недалекомъ будущемъ въ Петербургѣ начнется укрощеніе прислуги.

Укрощать будутъ не укротители изъ звѣринца, потому что самые неукротимые укротители тутъ ничего не подѣлаютъ, а будутъ введены особыя книжки.

Новыя книжки будутъ въ родѣ легкихъ біографій, въ которую каждый баринъ или барыня будутъ вписывать свои изреченія или афоризмы.

Вамъ нужна горничная и вы приглашаете "особу" занять это мѣсто. „Особа" въ большой шляпѣ съ перьями, съ зонтикомъ, посреди комнаты, жеманно грызетъ ноготь сквозь прорвавшуюся бѣлую перчатку.

— Вашъ аттестатъ? Вы знаете правила, безъ аттестата нельзя!..

— Вотъ онъ... только, пожалуйста, читайте его съ закрытыми глазами...

— Что такое городите?!.

— Да, очень тамъ все, знаете, стыдное написано-съ.

„Дѣвица Вахрамѣева... Гмъ!.. Нда... Ну, положимъ... тэкъ-съ!.. Жила у меня... ни въ чемъ хорошемъ не была замѣчена. Коллежская ассесорша Брылкина".

— Ну, что же... ничего... Что дальше: „отъ 10-го августа по 6-е октября жили мы довольно счастливо. Отставной подпоручикъ Пыжиковъ".

— Эге... Это довольно... того... Ну, что же дальше-то: „Любезные Россіяне, позвольте вамъ отъ души рекомендовать честнѣйшую женщину, готовую сослужить службу нуждающемуся человѣчеству: умѣетъ стирать бѣлье и прекрасно чиститъ сапоги".

— Нѣтъ, у васъ прекрасные отзывы.

„Очи черныя, очи ясныя,
Очи страстныя и прекрасныя,
Какъ люблю я васъ..."

— Ахъ, пожалуйста, не читайте дальше... Это мнѣ одинъ знакомый швейцаръ на память стихъ записалъ...

„Крахмалу полтора фунта, двѣ селедки, луку..."

— Не можетъ этого быть!

— Чего не можетъ быть?

— Да что вы про лукъ и селедку читали...

— Какъ не можетъ быть,—на, читай!..

— Я не грамотная!.. А это, должно, въ мелочной лавкѣ, счетъ на емъ написали. Ну, такъ что же, баринъ, прикажете остаться?..

— Оставайся. Аттестаты твои превосходны.

* *
*

Разговорились съ одной москвичкой, организаторшей женскаго клуба въ Москвѣ, пріѣхавшей по клубнымъ дѣламъ въ Петербургъ.

— Ну, какъ вамъ нравится у насъ?..

— И вамъ не стыдно?.. Пыль, асфальтовый дымъ, известка, мостовыя разобраны... Хотѣла остаться дольше, но не втерпежъ, завтра уѣзжаю.

— Успѣли что-нибудь сдѣлать?

— Какъ же, везу уставъ вашего женскаго клуба для образца, но очевидно, что онъ будетъ совершенно измѣненъ...

— Я слышалъ, при вашемъ клубѣ будетъ и библіотека, и билліардная, и игра въ карты.

— Все, все при клубѣ будетъ, даже меблированныя комнаты для пріѣзжающихъ...

— Вотъ те на!.. Это что-то экстравагантное?

— Да... для пріѣзжающихъ изъ провинціи дамъ...

— Это, знаете,—идея!.. Не выхлопотать ли и нашимъ мужскимъ клубамъ, приказчичьему и нѣмецкому, разрѣшеніе открыть „меблированныя комнаты для пріѣзжающихъ".

С. Эръ.

ИСПУГАЛАСЬ.

Онъ.—А знаете-съ, свѣжо что-то становится..
Она.—Ахъ, не смѣйте, не смѣйте ко мнѣ очень близко придвигаться, а не то я уйду!..

КАНЦЕЛЯРСКАЯ СЦЕНКА.

Его превосходительство, Андрей Ивановичъ Григорьевъ, вышелъ изъ кабинета и, остановившись среди канцеляріи, скрестилъ по-наполеоновски руки и сталъ созерцать свое небольшое царство чернильныхъ душъ, усердно скрипѣвшихъ перьями.

Появленіе грознаго начальника породило такую мертвую тишину, что слышно было объясненіе въ любви двухъ мухъ, сидѣвшихъ на лысинѣ дѣлопроизводителя.

Андрей Ивановичъ неожиданно почувствовалъ отеческую нѣжность къ своимъ подчиненнымъ и ему захотѣлось сказать имъ какое-нибудь ласковое слово, порадовать ихъ какой-нибудь милостью.

— Господа!.. началъ Григорьевъ.—По случаю лѣтнихъ мѣсяцевъ у насъ, господа, какъ вы сами замѣчаете, наступили жары...

Нѣсколько крупныхъ капель пота, какъ бы въ подтвержденіе словъ начальника, упали со лба подчиненныхъ на текущія дѣла...

— Принимая во вниманіе, господа, продолжалъ его превосходительство,—что температура доходитъ до 30° Реомюра, я нашелъ возможнымъ...

Подчиненные низко поклонились.

— Нѣтъ ли, господа, у кого-нибудь спичекъ? спросилъ неожиданно Андрей Ивановичъ, вынимая изъ портсигара папироску.

Всѣ служащіе, какъ одинъ человѣкъ бросились къ его превосходительству и нѣсколько десятковъ спичекъ, ярко вспыхнувъ, потянулись къ генеральской папироскѣ... Задніе напирали на переднихъ... Почувствовался запахъ гари...

Вдругъ, раздался душу раздирающій крикъ и его превосходительство, охваченный пламенемъ, заметался по канцеляріи.

Перепуганные подчиненные схватили чернильницы и стали обливать своего начальника...

На ближайшей каланчѣ взвились пожарные сигналы... Demi.

НА СКАЧКАХЪ.

— Джонъ! Ты не вздумай обгонять меня, сегодня я буду играть на тотализаторѣ противъ моей лошади,—понимаешь?.. Перехитримъ всѣхъ!

—

— Мамася, мамася, класный-то выигралъ, смотлите, онъ уже назадъ повелнулъ и шагомъ поѣхалъ.

—

— Хмъ... Не придетъ „Гладіаторъ"—и я безъ обѣда! Послѣдній рубль въ тотошкѣ!

Бурбоша.

МОЛОДЕЖЬ ЛѢТОМЪ, НА ОТДЫХѢ.

Двѣ барышни.

Первая.—Милый, дорогой мой, ты мое счастье, моя радость, я не могу жить безъ тебя... Уйдемъ, убѣжимъ куда-нибудь далеко-далеко!

Вторая.—Зина, ты съ ума сошла! Вѣдь я не мужчина!

— Все равно, я буду воображать, что ты мужчина... Къ тому же это не такъ опасно...

—

Въ паркѣ. Старикъ и юнецъ.

— Караулъ! Возьмите свою собаку! Она искусаетъ меня!

— Такъ и надо!.. Вы хотите жениться на той дѣвушкѣ, которую я люблю до безумія, такъ вотъ же вамъ въ видѣ мести... Труворъ, бери его! Беррри!!.

—

Юнецъ шагаетъ по шоссе.

— Фу! Силъ моихъ больше нѣтъ! Усталъ, какъ собака! Изволь-ка каждый день, чтобы увидѣться съ Вѣрочкой, дѣлать взадъ и впередъ двадцать верстъ... И занесло же ихъ этакую даль на дачу! Нѣтъ, надо будетъ влюбиться въ какую-нибудь другую барышню, которая поближе живетъ!..

Каземъ-Муратъ.

МОИ ДАЧНЫЯ МЫТАРСТВА.

Задумавши написать драму въ родѣ такой, чтобы въ ней и Немировича-Данченки было много и чтобы она и Невѣжинымъ пахла—я поселился далеко за городомъ, въ такой дачной мѣстности, гдѣ поменьше дачныхъ невѣстъ и побольше свободы холостому человѣку. Но въ первый же вечеръ, выйдя въ свой садъ, чтобы обдумать сценаріумъ, я услышалъ у плетня голосъ какого-то мужчины.

— Позвольте познакомиться, капитанъ Рожкинъ, вашъ сосѣдъ... Хорошо устроиться изволили?..

— Да, кажется, ничего...

— Совершенно вѣрно-съ... Въ особенности на хорошихъ сосѣдей напали... У меня три дочери, образованныя дѣвицы... Одна на роялѣ, какъ Рубинштейнъ... цѣлый день концерты безплатно слушать будете... Вторая пѣвица... та болѣе легкаго жанра придерживается, все цыганскіе романсы жаритъ... въ оперетку поступить хочетъ... Онѣ съ сестрою по очереди: одинъ часъ одна музицируетъ, другой часъ вторая поетъ, и такъ цѣлый день. . А третья-съ велосипедистка... гонщицей и чэмпіоншей быть собирается... Вы тоже катаетесь?

— М-да, я катаюсь...

— И отлично... Буду просить васъ время отъ время сопровождать ее на велосипедѣ... Самъ я не ѣзжу, а одну дѣвицу далеко отпускать не могу...

— Съ удовольствіемъ...

— Да вы не стѣсняйтесь! Можете хоть цѣлыми днями съ нею кататься... Она не устанетъ... Мускулистая дѣвица!.. Да она и сама вамъ не дастъ отдыху... Ежедневно будетъ просить... не отвяжетесь...

— Съ новымъ сосѣдомъ познакомились, капитанъ? послышался вдругъ съ другой стороны второй голосъ.—Ужъ позвольте и мнѣ съ вами, милѣйшій сосѣдъ, въ знакомство войти... Титулярный совѣтникъ Таракашкинъ...

— Очень радъ... Садитесь!

— У меня даже къ вамъ просьба есть... У васъ, дорогой сосѣдъ, въ саду качели и площадка, такъ позвольте моимъ дочуркамъ у васъ качаться и въ крокетъ играть?.. Въ моемъ ничего этого нѣтъ...

— У васъ тоже дочери?

— Четыре-съ!

— Четыре?

— Правда, четыре!!! Онѣ васъ немножко безпокоить станутъ, если съ утра до вечера визжать тутъ будутъ или побранятся когда, но что дѣлать! Вы сами были молоды и потому поймете молодежь... Ей необходимы физическія упражненія... Это развиваетъ мышечную систему!

— Мое почтеніе, господа! загремѣлъ въ вечернемъ воздухѣ еще и третій голосъ.

Мои сосѣди отрекомендовали мнѣ третьяго:

— Господинъ Распоповъ...

— Имѣю честь представиться... Можно сказать, патріархъ: имѣю пять дочерей-невѣстъ и двухъ таковыхъ же племянницъ... Холостыми проживать изволите? Къ какому-съ званію принадлежите?

— Къ столбовымъ дворянамъ...

— Это какъ же понимать: *къ столбцовымъ*?

— На *столбцахъ* „Шута“ и другихъ журналовъ славу и потомственную почетность стяжаю...

— Те-те-те! Вотъ это такъ кстати... Всѣ мои пять дочерей—писательницы въ душѣ... и двѣ племянницы таковыя же. Первая дочь романы пишетъ, вторая—стихи, третья—драмы, четвертая—философскія теоріи, а пятая—чортъ ужъ ее знаетъ, что такое: *дарвинизмъ* какой-то, говоритъ... Да вы сами узнаете... Онѣ вамъ каждый день свои произведенія читать станутъ... Что за ночь напишутъ—днемъ сейчасъ же читать принесутъ... Мы визави живемъ съ вами...

„Чортъ меня побери! въ отчаяніи подумалъ я.—Изъ-за четырнадцати дѣвицъ Александринская сцена на будущій сезонъ лишится, можетъ быть, геніальнѣйшаго драматическаго произведенія!..“

На меня напалъ столбнякъ.

Каземъ-Муратъ.

За редактора издатель *Р. Голике*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Еще разъ напоминаемъ нашимъ корреспондентамъ, что на анонимныя и псевдонимныя письма редакція не отвѣчаетъ, возвращеніе рукописей не обязательно, а также, что пересылку не подходящаго для насъ матеріала въ другіе журналы редакція на себя не принимаетъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Іюня 1896 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. № 17.